

КИТАЙ И РОССИЯ

В.Г. Дацышен*

«Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.»: проблемы текста и датировки¹

АННОТАЦИЯ: В современной историографии существует противоречивая картина истории русско-китайского «Кяхтинского договора 21 октября 1727 г.». Господствующая версия о том, что стороны подписали этот договор в Кяхте 21 октября 1727 г., не соответствует действительности. В литературе отсутствуют ссылки на русский текст договора. Публикации архивных документов позволяют восстановить процедуру «подписания» Кяхтинского договора в 1727–1728 гг. и познакомиться с русским текстом документа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кяхтинский договор 21 октября 1727 г., история русско-китайских отношений, 1728 г.

Ключевым и рубежным событием в истории русско-китайских отношений был Кяхтинский договор между двумя странами. В современной исторической литературе отсутствует даже намёк на проблемы по данному вопросу. В обобщающем исследовании «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» говорится: «21 октября (1 ноября) 1727 г. стороны подписали Кяхтинский договор (обмен подписанными экземплярами которого состоялся на реке Кяхте 14 июня 1728 г.)»². В подготовленной Российской Академией наук новой обобщающей многотомной «Истории Китая» утверждается: «21 октября 1727 г. на

---

* Дацышен Владимир Григорьевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия; E-mail: dazishen@mail.ru

---

© Дацышен В.Г., 2017

---

¹ Проект НУ ТГУ 8.1.32.2015С «История изучения и освоения Сибири».

² Россия и Китай: четыре века взаимодействия / Под. ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 33.

речке Кяхте, где строилась слобода для пограничной торговли, состоялся размен подписанных экземпляров нового договора, получившего название „Кяхтинский трактат“³. Но в исторической литературе, начиная с XVIII в., часто говорилось о «Кяхтинском трактате 1728 г.». Отсутствие в новейшем обобщающем академическом труде критики или даже указания на противоречия заставляет вновь обратиться к проблеме «Кяхтинского трактата».

При внимательном прочтении исторических текстов можно увидеть противоречивую картину событий. Один из первых российских историков-архивистов Н.Н. Бантыш-Каменский упоминал о «Кяхтинском договоре 1727 г.»⁴, но в сборнике документов датировал (представил) Кяхтинский договор следующим образом: «1728 г, июня 14. Генеральный трактат, заключённый и разменянный на Кяхте...»⁵. В самой ранней из сохранившихся летописей Иркутска (датируется второй пол. XVIII в.) утверждается: «1728... И для исправления государственных дел чрезвычайный посланник и полномочный министр Сава Владиславич с китайскими министрами между Россиею и Китайскою империями вечный мир заключили и границу утвердили»⁶. Выдающийся историк Сибири П.А. Словцов не упоминает никакого «Кяхтинского договора 21 октября 1727 г.», а пишет лишь: «14 июня, по превратному порядку, разменен на Кяхте самый трактат между Россиею и Китаем, с некоторыми переменами, о крепчайшем и вечном мире»⁷. Исследователь истории Российской духовной миссии в Китае иеромонах Николай (Адоратский) пишет: «20 августа 1727 г. был заключен буринский договор, а 21 октября того же года — кяхтинский генеральный трактат. При составлении его и редактировании в Пекине китайские министры прибегали к разным уловкам и изменениям... Наконец генеральный трактат был торжественно подписан и разменен в Кяхте 14 июня 1728 г.»⁸. В

---

³ История Китая с древнейших времён до начала XXI века. В 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VI. Династия Цин (1644–1911) / Отв. ред. О.Е. Непомнин. М.: Вост. лит., 2014. С. 559.

⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Казань: Типография Императорского университета, 1882. С. 6.

⁵ Там же. С. 365.

⁶ Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1996. С. 28.

⁷ Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. С. 217.

⁸ Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ея существования (посвящается русским синологам) // Православный собеседник. 1887, май. С. 102–103.

«Хронологическом перечне важнейших дат из истории Сибири» И.В. Щеглова указано: «1727... именно 21 октября этого же года граф Рагузинский заключил с китайскими уполномоченными генеральный трактат, который опять оспаривался Пекинским правительством и наконец был ратифицирован на р. Кяхте 14 июня уже следующего 1728 года... в силу трактата 1728 г. Кяхта была избрана пограничным местом...»⁹. В 1882 г. в обстоятельной работе русского консула в Чугучаке Н.Н. Балкашина утверждалось: «21 октября 1827 г. (опечатка в тексте. — *В.Д.*) граф Рагузинский заключил с китайскими уполномоченными окончательный трактат, который опять оспаривался Пекинским правительством и наконец был ратифицирован на р. Кяхте 14 июня 1728 г. от имени Императора Петра II»¹⁰. В составленной в начале XX в. в Пекине «Краткой истории Русской православной миссии в Китае» говорится лишь о «Кяхтинском трактате, состоявшемся 14 июня 1728 г.»¹¹.

В опубликованных в первой половине XX в. в Америке работах китайских учёных утверждается, что «1 ноября (1727 г. — *В.Д.*) была составлена окончательная версия Кяхтинского договора»¹². В обобщающей «Истории Русской Церкви» русского эмигранта И.К. Смолича говорится: «оживлённые дипломатические связи между русскими и китайцами, которые в конце концов привели к Кяхтинскому договору 1728 г.»¹³. В известной американской энциклопедии утверждается, что «окончательная версия Кяхтинского договора была составлена 1 ноября» 1727 г.¹⁴

Столь противоречивая картина в исторической литературе представляется труднообъяснимой, ведь ещё в XVIII в. история Кяхтинского договора была подвергнута тщательному изучению. Н.Н. Бантыш-Каменский нарисовал такую картину событий: «Последний гр. Владиславича проект трактата. Вследствие сего, посланник подал (21 марта) китайским министрам последний проект.

---

⁹ Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. С. 127–128.

¹⁰ Балкашин Н.Н. Трактаты России с Китаем // Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 29.

¹¹ Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б.Г. Александров. М.: СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 15.

¹² Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644–1912) / Ed. by Arthur W. Hummel. Vol. II. Washington, 1944. P. 786.

¹³ Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. Ч. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. С. 260.

¹⁴ Tulisen // Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644–1912). Vol. II. P–Z. Washington, 1944. P. 786.

Приняв оный, поднесли они Богдыхану, который, прочитывая несколько раз, решил, чтоб в Пекине ничего не заключать, дабы тем мунгальских владетелей не зlobить, а направит на границу трёх полномоченных министров для окончательного обо всём постановления... сей проект не противен был и для самих министров. Исключая статью о границах... Тем временем посланник занемог... По выздоровлению, начал посланник собираться к отъезду... Наконец послан был (19 апр.) посланник в загородный дворец к Богдыхану на отпускную аудиенцию... 23 апреля из Пекина отправился с агентом и секретарём... Прибыв (июня 14) на границу... на речку Буру... Прожив в Селегинске до 9-го окт., посланник паки отправился к речке Буре, где имел удовольствие узнать об оконченном благополучно разграничении в обеих сторонах посланными от него комиссарами... Посланник, по согласию с китайскими министрами, жил более трёх месяцев со всею свитою на реке Буре, на голой степи, в стуже и в снегу, под палатками ожидая возвращения китайских министров из Пекина с главным трактатом для размена оного. Но не прежде, как ноября 13 явились оные министры с помянутым трактатом за богдыхановою печатью и за подписанием министров...»¹⁵.

Таким образом, Н.Н. Бантыш-Каменский в XVIII в. не только не нашёл в архивах российского внешнеполитического ведомства никаких указаний на какое-либо событие 21 октября 1727 г., но и вообще указал, что китайские официальные лица в это время были не на границе, где жил С.Л. Владиславич-Рагузинский, а уезжали с документами в Пекин. Эта картина подтверждается другими публикациями исследований, опирающихся на документы. В опубликованном ещё в 1842 г. документе «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства, и о прочем, сочин. тайн. сов. и ордена Св. Александра кавалером, Иллирийским графом Савою Владиславичем, бывшим в характере чрезвычайного посланника и полномочного министра при Дворе Китайском, 1731 г. в Москве» утверждается: «По разведении многих споров и препятствий, в имевшихся через три года, как в Пекине, так и на границе, 58-ми конференциях, обо всём согласенось, и трактатами, первым пограничным, 1727 г. Августа 20-го, при речке Буре, а вторым генеральным, 1728 года, Июня 14-го числе, при Кяхте размененось, состоящим в 11-ти пунктах, зело Российскому империи полезных, между которыми пункты суть главнейшие»¹⁶.

---

¹⁵ Бантыш-Каменский. Указ. соч. С. 148.

¹⁶ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Vladislavic_S_L_II/text1.htm

Советский период развития историографии вопроса не внёс ясности, а наоборот, закрепил накопившиеся «домыслы», усилил противоречия. В большинстве работ советских историков утверждается или предполагается, что Кяхтинский договор был подписан 21 октября 1727 г. и ратифицирован в 1727 г. Но и для этого периода присущи «разночтения». В многотомной академической «Всемирной истории» написано: «В 1727 г. был заключён буринский трактат, а в начале 1728 г. — Кяхтинский договор, разрешавшие пограничные вопросы, вопросы о перебежчиках и о торговле»¹⁷. В многотомной «Истории СССР» описание событий ограничено следующим сообщением: «Кяхтинский договор, заключённый в 1727 г., подтвердил условия Нерчинского договора и представил лучшие возможности для расширения торговых и иных связей между Россией и Цинской империей»¹⁸.

В постсоветской историографии при описании событий заключения Кяхтинского договора авторы чаще всего утверждают без всяких комментариев и дополнений, что договор заключён в 1727 г.¹⁹ В специальном исследовании «Границы Китая», вышедшем в 2001 г., события описаны следующим образом: «Подписав Буринский договор, С.Л. Владиславич-Рагузинский отправил в Пекин проект текста всего договора. После долгих проволочек оттуда был получен трактат, текст которого соответствовал проекту, составленному русским послом. Кяхтинский договор о разграничении и торговле между Россией и Китаем был подписан 21 октября 1727 г. и состоял из десяти статей. Со стороны России его подписал глава посольства С.Л. Владиславич-Рагузинский, а со стороны Китая — глава посольства — думный вельможа, председатель палаты (ведомства) чинов, главноуправляющий Дворцового правления Чабина и члены делегации: думный вельможа, председатель Лифаньюаня... Обмен экземплярами договора состоялся 14 июня 1728 г. на речке Кяхте... Русская сторона

---

¹⁷ Всемирная история. Т. V. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. С. 313.

¹⁸ История СССР с древнейших времён до наших дней. Серия первая. Том III. М.: Наука, 1966. С. 343.

¹⁹ Мясников В.С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 72–80; Мороз И.Т. Российско-китайские пограничные отношения (Кяхта-Маймачэн) // Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. Сб. статей. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 185–201; Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ, 1999; Историческая энциклопедия Сибири. К–Р. Новосибирск, 2009. С. 782; Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. С. 25.

вручила цинским представителям скрепленные подписью и печатью Владиславича-Рагузинского тексты договора на русском и латинском языках. Маньчжуры передали русской делегации за подписью цинских послов и скрепленные печатями Лифаньюаня экземпляры трактата на русском, латинском и маньчжурском языках»²⁰.

Во введении к публикации документов «Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. III» под названием «Заключение Кяхтинского договора 1728 года» говорится: «русский посланник ещё до начала работы демаркационных комиссий направил в столицу Цинской империи для подписания объединённый проект договора... Комиссары, разъехавшиеся для размежевания границы, ещё не успели вернуться, цинское правительство прислало в Селенгинск Рагузинскому подписанный общий трактат. Однако оказалось, что в Пекине сановники произвольно изменили не только текст согласованных статей общего договора, но и внесли исправления в уже парафированный подписями их представителей Буринский трактат... Рагузинский не дал запугать себя... и в обход маньчжурских дипломатов направил через Ланга письмо на имя императора с жалобой на его министров. Наконец 21 октября 1727 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр смог поставить свою подпись под новым трактатом, отвечавшим его желаниям и уже заверенным печатью цинского императора... 14 июня 1728 г. на речке Кяхте, где сооружалась слобода для открытия пограничной торговли, был произведён обмен подписанных экземпляров нового „инструмента обновления мира между обоими империями“, получившего название Кяхтинского трактата... Ратифицированный таким образом договор вступил в силу»²¹. Таким образом, в данной статье автор утверждает, что кяхтинский договор был подписан русским посланником 21 октября 1727 г., но называет его в заглавии статьи и по тексту «Кяхтинский договор 1728 г.».

В вышеотмеченной публикации 2006 г., как и в некоторых других работах, события 14 июня 1728 г. оцениваются как ратификация Кяхтинского договора. Однако в «Археографическом введении» И.Т. Мороз к публикации русско-китайских договоров 2004 г. утверждается: «некоторые из русско-китайских актов не были ратифицированы, то есть формально утверждены, поскольку ратификация в

---

²⁰ Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 89–92.

²¹ Мясников В.С. Заключение Кяхтинского договора 1728 года // Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. III: Русско-китайские отношения. 1727–1729 / Отв. Ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 9–11.

них не была предусмотрена. Не были ратифицированы, например: Нерчинский договор 1689 г., Кяхтинский трактат 1727 г. ...»²².

В современной литературе используются разные варианты согласования двух дат договора — 1727 и 1728 гг. В одной из последних работ по истории Кяхты говорится: «С.Л. Владиславич-Рагузинский возвратился на реку Буру, где вместе с уполномоченными пекинского двора приступил к уточнению пунктов будущего Кяхтинского трактата. 21 октября 1727 года составление трактата было закончено... Но подписать его китайские министры не решились. Поэтому он был послан в Пекин на утверждение богдыхана. После ратификации в новый трактат одиннадцатым пунктом должен был войти Буринский договор о границе... Лишь 14 июня... на реке Кяхте состоялся обмен подписанных экземпляров нового русско-китайского договора, получившего название Кяхтинского трактата»²³. В современной историографии есть работы авторитетных авторов, где говорится, что Кяхтинский договор был подписан в 1728 г.²⁴

Таким образом, противоречивая картина событий подписания Кяхтинского договора в 1727–1728 гг. указывает на наличие серьезной, не только нерешенной, но даже не указанной проблемы, которую можно сформулировать следующим образом: «Когда и как был подписан русско-китайский договор известный как „Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.“». Для решения этой проблемы необходимо проанализировать комплекс документов, отражающих те события. «Кяхтинский договор» и другие документы, отражающие данные события, не раз публиковались на протяжении двух веков.

В начале XXI в. в Москве были опубликованы фундаментальные сборники документов: «Русско-китайские договорно-правовые акты» и «Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. III: Русско-китайские отношения. 1727–1729». В первом сборнике данное составителями название документа противоречит его оригинальному названию: «1727 г. октября 21. — Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем». «Копия с трактата главного между Российской и Китайской империи вечного мира, о границах, о перебещиках, и о

---

²² Мороз И.Т. Археографическое введение // Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). Под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 20.

²³ Необычайная Кяхта / Автор-сост. Л.Б. Цыденова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. С. 13.

²⁴ Кучера С.Р. История, культура и право древнего Китая: собрание трудов. М.: Наталис, 2012.

коммерции, и о протчем, учиненной чрез графа Саву Владиславича с китайскими министрами при Селенгинске, при речке Кяхте в 1728-м году июня 14-го дня»²⁵. Документ, в тексте которого указан 1728 г., размещён в сборнике в хронологическом порядке между документами, датированными 12 и 27 октября 1727 г.

Редактор и автор вводной статьи в третьем томе издания «Русско-китайские отношения в XVIII веке» пишет: «Архивные источники о посольстве Владиславича исключительно богаты и разнообразны по содержанию»²⁶. Целая серия собранных в томе документов указывает на то, что базовый договор между Россией и Китаем «был подписан» не в октябре 1727 г., а ещё весной и не на границе, а в Пекине. В «реляции посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского в Коллегию иностранных дел из Селенгинска» от 28 сентября 1727 г. утверждается, что десять статей будущего Кяхтинского договора, за исключением статьи о границе, были ещё весной 1727 г. подписаны китайцами в Пекине. Текст был утверждён «ханской печатью» и прислан на границу²⁷. Неслучайно, сам С.Л. Владиславич-Рагузинский в некоторых документах называет этот договор «Пекинским». Таким образом, можно говорить о том, что Кяхтинский договор подписывался несколько раз и после каждого «подписывания» в документ вносились изменения. Но именно 21 октября 1727 г. русскими представителями никакие документы не рассматривались и не подписывались.

Исследователи русско-китайских договоров допускают датировку документов не по реальным событиям, а по сложившейся традиции. В примечаниях к публикации Нерчинского договора 27 августа 1689 г. говорится, что документ стороны подписали 29 августа, но: «В исторической литературе принято датировать Нерчинский договор днём изготовления русского текста трактата, то есть 27 августа»²⁸. Применительно к Кяхтинскому договору составители и редакторы сборников документов подобного рода замечаний не делали.

В любом случае, документ, в тексте которого есть параграф следующего содержания: «Инструмент обновления мира между обоими империями с обеих сторон разменен тако: Посол российской, илирийской граф Сава Владиславич на русском и латинском языках написанной за своею рукою и печатью закрепленной вручил

---

²⁵ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). С. 41.

²⁶ Мясников В.С. Заключение Кяхтинского договора 1728 года // Русско-китайские отношения... Т. III. С. 28.

²⁷ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 114.

²⁸ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 587.

Китайского государства вельможам к сохранению, а китайские вельможи на манжурском, российском и латинском языках написанные равным образом за своим подписанием и укреплением печати вручили российскому послу, иллирийскому графу Саве Владиславичу к сохранению. Сего же инструмента экземпляры печати преданы, всем пограничным жителям розданы, чтобы ведомо было о сем деле. Лета господня 1727, месяца октября 21 дня, а Петра Второго, всероссийскаго императора, и протчая, и протчая, государствования перваго году. Разменен на Кяхте июня 14 дня 1728 году. На подлинном при разменении подписано тако: Граф Сава Владиславич, секретарь посольства Иван Глазунов»²⁹, — вряд ли правомерно называть «1727 г. октября 21. — Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Российской и Цинской империями» и точно нельзя датировать 1727-м годом.

Следует обратить внимание на публикацию другого документа «1727 г. ноября не ранее 13. — Сопоставительная таблица текстов двух документов: 1) проекта договора, представленного 21 марта 1727 г. С.Л. Владиславичем-Рагузинским в Пекине; 2) договора, полученного 13 ноября 1727 г. на реке Буре из Пекина»³⁰. Как видно, здесь опять не упоминается никакой «Кяхтинский договор 21 октября 1727 г.», а говорится о том, что «Пекинский договор 21 марта 1727 г.» китайские власти рассматривали и «вернули на доработку» на границу уже после 21 октября. В сборнике также опубликовано письмо, в котором С.Л. Владиславич-Рагузинский сообщал: «возвратился с Буры, хотя с китайскими министрами генеральным трактатом не разменялись для того, что они привезли трактат ис Пекина с крючками и с неправдами...»³¹.

В «Реляции С.Л. Владиславича-Рагузинского» от 22 апреля 1728 г. говорилось: «Что же касается до разменения генерального трактату, то я, по согласию китайских министров, всею свитою жил на Буре, на голой степи более трёх месяцев... ожидая с радостью возвращения китайских министров из Пекина с трактатом против моего пекинско-го проекту для разменения. И ноября 13 дня возвратились посланные министры и привезли генеральный трактат на трёх языках... с которого копии для известия мне приобщили, и по взятые со оных копий явились оные во всём испровержены, российской чести предосудительны... по каждому пункту так испровержено и испорчено было, что поистине доносить не смею... я протестовал... что оной трактат

²⁹ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 191.

³⁰ Там же. С. 199–209.

³¹ Там же. С. 214.

не по силе моего проекту, состоящего в десяти пунктах, в Пекине словесно апробованного и в пограничном трактате письменно подтверждённого, того ради оно не токмо не приму, но и к вашему императорскому величеству писать не смею но во всём испровержен... Сего апреля 3 дня из Пекина куриер прибыл, который привёз новый генеральный трактат на трёх языках... по некоторым пунктам пополняя свою обыкновенную манеру дескурсами, и хотя нескладным штилем, однакож, кто здраво рассудить похочет, вся сила дела и действия всего того, что в моём проекте, означено... хотел с китайскими министрами размениться, но они ответствовали, что тот мой трактат они без моего подписания и без печати примут и для апробации и верного перевода в Пекин к его богдыханову величеству пошлют. А здесь размениться не могут... И я тем был доволен и без моего приписания и без печати экземпляры на русском и латинском языках им вручил, которые они в Пекин с нарочным заргучеем отослали. А последние присланные их вышеписанные на трёх языках генеральные трактаты запечатал я в мешке моею печатью, которые остались у них под охранением до разменения»³².

О «размене» Кяхтинского трактата С.Л. Владиславич-Рагузинский сообщил в Санкт-Петербург уже из Енисейска. Он писал: «июня 14 числа при границах с китайскими министрами генеральным трактатом разменился... понеже вся сила и действие всего того, что в десяти пунктах постановлено в Пекине, а одиннадцатый, пограничный, внесён и разве мало где их штилем и дескурсом отменён, с которого, каков был прислан последний из Пекина и каков дан от мене экземпляр»³³. Здесь же отмечается: «вышеписанным генеральным трактатом разменялись в моём лагере, ибо я в том китайских министров переспорил, оговариваясь, что в прошлом году пограничный трактат под их шатром разменен»³⁴. Таким образом, в данном документе русский посланник в очередной раз утверждает, что после подписания Буринского трактата следующая церемония «подписания» русско-китайского договора состоялась лишь в 1728 г., т.е. никакого «подписания» 21 октября не было. Здесь следует обратить внимание на то, что подписание Буринского трактата и «размен 14 июня 1728 г.» Кяхтинского трактата С.Л. Владиславич-Рагузинский называет одинаково — «размен». Поэтому «размен 14 июня 1728 г.» называть «ратификацией» договора нельзя, правильнее эти «размены» считать своеобразной формой подписания русско-китайских договоров. Тем

---

³² Там же. С. 233–237.

³³ Там же. С. 259–260.

³⁴ Там же. С. 260.

более, ни в одном из опубликованных документов не описано никакой церемонии подписания документов представителями двух сторон.

Таким образом, русский посланник сообщил, что в 1728 г. произошло подписание договора, проект которого С.Л. Владиславич-Рагузинский подал китайской стороне весной 1727 г. в Пекине с добавлением откорректированной китайцами статьи, содержащей условия Буринского договора. При этом окончательный вариант договора был составлен в Пекине и согласован на границе весной 1728 г. Ни о каком договоре 21 октября 1727 г. ни в одном документе не упоминается, за исключением «Копий с инструкций» для пограничников³⁵. Вообще, в сборнике документов нет ни одного документа, датированного 21 октября 1727 г., нет ни одного документа с описанием событий 21 октября 1727 г. В «Реестре документов, поданных С.Л. Владиславичем-Рагузинским в Коллегию иностранных дел» в 1729 г. есть Буринский договор 20 августа 1727 г. и «Трактат генеральный, состоящий в 11 пунктах, присланной из Пекина... которым он, Владиславич, розменился на китайской границе при речке Кяхте 1728 году, июня 14 дня»³⁶. И в этом реестре нет «договора 21 октября 1727 г.».

Приведённые исследователями другие документы по истории русско-китайских отношений указывают на то, что российская дипломатия официально Кяхтинский договор никогда и не датировала 1727-м годом. Например, в 6-м томе собрания документов «Русско-китайские отношения в XVIII веке» помещён «Экстракт из трактата, заключённого между Всероссийскою империею и Китайским государством в 1728-м году июня „14“ дня»³⁷. Таким образом, российский МИД в XVIII в. именно 14 июня 1728 г. датировал Кяхтинский договор.

Остаётся неясным, что за текст представлен в сборнике документов под названием «1727 г. октября 21. — Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Российской и Цинской империями». В опубликованных документах даётся довольно противоречивая картина согласования текстов, представленная самим Рагузинским. Усложняет проблему единственный документ, датированный 14 июня 1728 г. — «Лист цинских представителей Цэрэна, Сыгэ и Наянтая С.Л. Владиславичу-Рагузинскому о по-

---

³⁵ Там же. С. 297, 304, 310, 316, 326.

³⁶ Там же. С. 361.

³⁷ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI: Русско-китайские отношения. 1752–1765 / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2011. С. 80.

грешности перевода русского текста Кяхтинского договора» с написанным перед текстом примечанием «Копия с переводу мунгальского письма, данного от китайских министров при разменении генерального трактата июня 14 дня 1728 году на Кяхте, в пополнение русского трактату о погрешении с китайской стороны в Пекине в переводе речи»³⁸. А в сборниках документов публикуется текст договора под названием «Копия с трактата ...»³⁹.

Возникают проблемы подлинного, или главного, текста и различий в разных текстах. В сборнике документов 2004 г. дан список хранящихся в архиве разных экземпляров Кяхтинского договора: «Заверенная копия», «Другая копия на русском яз.», «Подлинник на русском яз., переданный России цинской стороной», «Перевод с маньчжурского яз. Алексея Леонтьева»; есть ещё подлинники на маньчжурском и латинском языках и копия на латинском языке, переданная Китаю русской стороной⁴⁰. В примечаниях к сборнику 2006 г. перечислены только различные копии, переводы или черновики различных документов⁴¹. В российских архивах должен был остаться русскоязычный текст от китайской стороны, а русскоязычный текст от русской стороны был передан китайцам. Если заключение русско-китайского договора состоялось в виде «размена на Кяхте июня 14 дня 1728 году» и если принять описанную Бантыш-Каменским процедуру, то основным документом договора для России является полученный Рагузинским от китайцев русскоязычный текст. В примечаниях к публикации 2004 г. говорится о наличии в российском архиве «Подлинника на русском яз., переданного России цинской стороной», а в сборнике 2006 г. указана «копия... русского текста от цинской стороны»⁴². Таким образом, публикация сборника документов «Русско-китайские отношения. 1727–1729» указывает на то, что в российских архивах не сохранилось подлинных текстов «Кяхтинского договора» либо эти документы остаются недоступными для исследователей.

Составители сборника 2004 года издания указали, что расхождения между разноязычными текстами были отмечены обеими сторонами вскоре после подписания Кяхтинского трактата, но не привели примеров и не исследовали эту проблему. Однако вышеприведённые документы указывают на возможность расхождений между разными русскоязычными текстами Кяхтинского договора.

---

³⁸ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 250–251.

³⁹ Там же. С. 191–192.

⁴⁰ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). С. 47.

⁴¹ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 192.

⁴² Там же. С. 192.

Нам удалось найти публикацию Кяхтинского трактата, где указано: «Текст печатается по подлинному договору, переданному Китайцами», «Текст... договора, подписанного китайскими представителями». В опубликованном вторым изданием Китайскими морскими таможнями в 1917 г. в Шанхае сборнике договоров и других документов, заключённых между Китаем и другими странами, имеется «Кяхтинский Трактат 21 Октября 1727 г.» («Текст печатается по подлинному договору, переданному Китайцами») ⁴³. Документ этот представлен на двух языках — русском и латинском. При сравнении текстов в этом сборнике и в рассмотренном выше российском сборнике 2006 г. видно, что русскоязычный текст в Китае отличается от русского текста из российского архива. Опубликованный в российском сборнике текст начинается со слов «По указу императрицы всероссийская и протчая» ⁴⁴. Текст, переданный в 1728 г. русским представителям начинается со слов: «Тайцин Государства Хонди по указу посланы...» ⁴⁵. В первом тексте первый пункт начинается со слов «Сей новый договор нарочно зделан, чтоб между обоими империями мир крепчайший был и вечный...» ⁴⁶; во втором тексте — «Сие вновь поставлено означение нарочно обоих государств вечный мир накрепко утвердили уложили и договорились...» ⁴⁷. Подобно рода отличия присущи всем статьям договора: в первом тексте — «Для коммуникации между обоими империями печатные пашпорты весьма нужны суть» ⁴⁸, во втором — «Обоих государств промежду письма посылать печатное письмо велми нужно впред...» ⁴⁹. Напечатанный в шанхайском сборнике русскоязычный текст договора не совпадает и с другими опубликованными в российском сборнике текстами: «1727 г. ноября не ранее 13. — Сопоставительная таблица текстов двух документов: 1) проекта договора, представленного 21 марта 1727 г. С.Л. Владиславичем-Рагузинским в Пекине; 2) договора, полученного 13 ноября 1727 г. на реке Буре из Пекина» ⁵⁰.

В заключительной части латиноязычного текста в китайском варианте, в отличие от русского, перечислены имена и должности че-

⁴³ Treaties, Conventions, etc., between China and Foreign States. Vol. I, Second edition. Shanghai, 1917. С. 50.

⁴⁴ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 187.

⁴⁵ Treaties... С. 50.

⁴⁶ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 187.

⁴⁷ Treaties... С. 50.

⁴⁸ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 188.

⁴⁹ Treaties... С. 55

⁵⁰ Русско-китайские отношения... Т. III. С. 199.

тырёх китайских сановников и стоит дата — «Yong Tshing anno quinto nonae lunae septima die»⁵¹. В русскоязычном тексте стоит дата — «Прохладное прямо пятого году в девятом месяцу в з (7. — В.Д.) числе». Таким образом, под обоими документами стоит дата «7 день 9-го месяца 5-го года правления императора Юн-чжэн», что в переводе на современный календарь означает 21 октября 1727 г. Правда, эта дата по григорианскому календарю, а в российской исторической литературе обычно указывают или подразумевают, что трактат был подписан 21 октября по принятому в России юлианскому календарю. Говоря о поставленной под документом дате, следует отметить, что на направленной из Пекина С. Рагузинскому в Кяхту русскоязычной версии договора в ноябре 1727 г. стояла дата «Прохладное прямо в 5 году, в 9 месяце, в 5 числе», что соответствовало 19 октября 1727 г. по григорианскому календарю⁵².

В исторической литературе существует лишь одна версия появления в документах даты «Кяхтинского договора 21 октября 1727 г.». Эта версия была выдвинута уже первым исследователем документов по истории русско-китайских переговоров 1727–1728 гг. Н.Н. Бантыш-Каменским: «Посланник... усматривая что оный трактат сочинён по силе сего проекта с некоторыми только разностями (Напрм. ... 2) в окончании написан прошедший 1727 года окт. 21 (а по китайскому исчислению Юнь-Джинь прохладнаго прямо пятого года, 9 месяца, 7 дня); упоминается Императрица уже преставившаяся, а не Император Пётр II; — На сие ответствовали китайцы: „что Императрица упоминается, то для того, что от Ея Величества он, посланник, отправлен; а что прошлым годом, то для того, что тогда согласились, и нынешний новый, яко переменный, тем же временем написан“»⁵³. Таким образом, по версии Н.Н. Бантыш-Каменского, цитировавшего документы С.Л. Владиславича-Рагузинского, дату 21 октября 1727 г. произвольно поставили китайцы в Пекине, возможно, для того, чтобы договор был подписан временем царствования Екатерины, умершей ко времени действительного подписания этого договора. Русский посланник был этим недоволен, но вынужден был согласиться с такой китайской «разностию».

Таким образом, рассмотрев проблему датировки Кяхтинского трактата, мы пришли к выводу, что «Кяхтинский трактат 21 октября 1727 г.» был составлен и согласован весной 1727 г. в Пекине и дополнен подписанным в районе будущей Кяхты Буринским трактатом.

---

⁵¹ Treaties...С. 60.

⁵² Русско-китайские отношения... Т. III. С. 209.

⁵³ Бантыш-Каменский, *op.cit.* С. 151.

Первый этап «подписания» Кяхтинского трактата состоялся в районе Кяхты весной 1728 г. Окончательное подписание Кяхтинского трактата состоялось в форме размена текстами документа в Кяхте 14 июня 1728 г. Под документом дату 21 октября 1727 г. произвольно задним числом поставили в Пекине китайские власти, преследуя какие-то политические цели, а российский представитель С.Л. Владиславич-Рагузинский под давлением китайской стороны вынужден был оставить эту дату в тексте документа. Кроме того, на сегодняшний день существует несколько разных вариантов русскоязычного текста Кяхтинского договора, и этот вопрос, наряду со многими проблемами оформления этого русско-китайского трактата, требует дальнейшего исследования.

V.G. Datsyshen*

**«Kyahkta treaty of 21st October 1727»:
problems of text and dating**

ABSTRACT: There is a confusing story of problems of text, formality and dating of “Kyahkta treaty of 21st October 1727” in modern historiography. The main version about signing the treaty in Kyahkta on 21st October 1727 is not true. There are not any references on Russian text of the treaty in scientific publications. Published archival documents give a chance to reconstruct procedure of signing the Kyahkta treaty in 1727–1728 and get acquainted with the Russian text of the document.

KEYWORDS: Kyahkta treaty of 21st October 1727, History of Russian and Chinese relationships, 1728.

* Datsyshen Vladimir Grigor'evich, Dr. Hab. (History), Head of the History Department of Humanities Faculty, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; E-mail: dazishen@mail.ru